
ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
руководитель Санкт-Петербургского научно-
исследовательского центра интеллектуальной
собственности РНИИС,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: spb@miiis.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И КАТЕГОРИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена малоизученной проблеме в теории и философии права – политико-правовой традиции. Автор рассматривает ее как социальный феномен и категорию теоретического правоведения. Он подходит к ней с позиций классификации социальных норм и применительно к процессам генезиса и эволюции политико-правовой реальности. Второе направление, по мнению исследователей, позволяет проанализировать юридическую составляющую изучаемой проблемы.*

Автор подчеркивает выявленную особенность некоторых отечественных исследований, в которых зауживается юридическое понимание феномена «традиция», хотя наблюдается и иной подход. Проанализировав выявленные подходы, ученый выделяет и подробно изучает два проблемных блока, связанных с собственно юридическим пониманием феномена традиции.

Характеризуя феномен политико-правовой традиции, исследователь показывает соотношение синтезируемых категорий «политическая традиция» и «правовая традиция». Он приходит к выводу: политические и правовые традиции представляют собой взаимопроникающие, диалектически переходящие друг в друга явления, сочетающиеся между собой по двум критериям (как форма и содержание; как экстраполяция диалектического единства государства и права в области социальных традиций).

Взаимообусловленность и диалектическое единство феноменов «политика» и «право», позволили автору выделить в качестве относительно обособленного и целостного, политико-правовой феномен, который в свою очередь обуславливает и существование такой разновидности социальных традиций как политико-правовые.

В статье особо подчеркивается то обстоятельство, что феномен политико-правовой традиции представляет собой единство содержания и формы. Рассматривается комплекс вопросов, возникающих по поводу соотношения тенденций преемственности и изменчивости (модернизации). Исследуя преемственность в рамках политико-правовой традиции, автор специально выделяет и рассматривает связь права и морали.

Ключевые слова: социальный феномен; категория; теория права; философия права; теоретическое правоведение; социальные нормы; политика; право; мораль; обычай; традиции; генезис; эволюция; правовая реальность; политическая традиция; правовая традиция; политико-правовая традиция; преемственность; форма и содержание; диалектическое единство.

POLITICAL AND LEGAL TRADITION: SOCIAL PHENOMENON AND CATEGORY OF THEORETICAL LEGAL SCIENCE

The summary. The article is concerned with a little-studied problem in the theory and philosophy of law – political and legal tradition. The author considers it as a social phenomenon and a category of theoretical legal science. He approaches it from the viewpoint of social norms classification and in respect to the processes of political-and-legal reality genesis and evolution. The second approach, in researchers' opinion, allows analyzing the juridical constituent of the problem under consideration.

The author emphasizes the revealed feature of some domestic researches in which the legal conception of the phenomenon "tradition" is made narrower although another approach is observed. Having analyzed the revealed approaches the researcher distinguishes and studies in detail two problem blocks associated with peculiarly juridical conception of the tradition phenomenon.

Characterizing the phenomenon of political and legal tradition the researcher shows the correlation of the synthesized categories "political tradition" and "legal tradition". He comes to the conclusion that political and legal traditions represent interpenetrating, dialectically transformed into each other phenomena conjoining with each other by two criteria (as form and content; as extrapolation of dialectical unity of the state and law in the area of social traditions).

The interdependence and dialectical unity of the phenomena "politics" and "law" enabled the author to distinguish as relatively isolated and integral the political-and-legal phenomenon which in its turn causes the existence of such a sort of social traditions as political and legal ones.

Special emphasis is placed in the article on the fact that the phenomenon of political and legal tradition represents the unity of content and form. The set of issues arising with reference to the correlation of the continuity and variability (modernization) tendencies is viewed. Studying the continuity within the framework of political-and-legal tradition the author specifically identifies and considers the connection between law and morality.

Key words: social phenomenon; category; theory of law; philosophy of law; theoretical legal science; social norms; politics; law; morality; custom; traditions; genesis; evolution; legal reality; political tradition; legal tradition; political and legal tradition; continuity; form and content; dialectical unity.

В современном теоретическом правоведении категория «традиция» интерпретируется в двух смысловых значениях, каждое из которых, безусловно, представляет научный интерес.

Во-первых, феномен традиции истолковывается в узком смысле и, как правило, рассматривается в контексте вопросов, связанных с исследованием соотношения правовых и иных социальных норм, а так же при исследовании источников права, в частности во взаимосвязи с таким явлением как правовой обычай [2; 33; 46; 59; 69; 84; 89; 90].

Во-вторых, традиция рассматривается в широком смысле применительно к процессам генезиса и эволюции национальных правовых систем, правовых культур конкретных государств, общественного правосознания характеризующегося национально-этнической, конфессиональной спецификой и т.д. [1; 9; 10; 11;

12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 35; 38; 41].

Рассматриваемая в первом из обозначенных аспектов, традиция не интерпретируется, собственно как юридический феномен и содержание этой категории, как правило, раскрывается в меру необходимости, с единственной целью подробнее охарактеризовать регулятивную систему общества или такое социальное явление как правовой обычай. При этом традиция рассматривается как некая разновидность обычая. Так, например, О.Э. Лейст отмечал, что «к обычаям относят также традиции, которые в меньшей степени связаны с чувствами, эмоциями. Традиции выражают стремление людей сохранить унаследованные от предыдущих поколений формы поведения; они возникают в силу распространения какого-либо примера, воспринятого и одобренного

обществом. Традиция связана с нормами морали в том отношении, что традиционным становится какое-либо действие, одобряемое моралью, а также в том, что лица, пренебрегающие этой традицией, порой заслуживают морального порицания. В тоже время традиции имеют нечто общее с обычаем: они опираются не только на поддержку общественного мнения, но и на психологические факторы, в частности, на чувство связи человека с окружающими, стремление следовать распространенному примеру, которому следуют все, на то, что психология называет «психическим заражением», подражанием и т.д.» [50, стр. 165].

Как «разновидность обычаев» традиции рассматривает и С.Н. Кожевников, который в частности отмечает, что «обычаи и традиции обладают общими чертами. И те и другие содержат элементы социального и культурного наследия, обладают признаками устойчивости, опираются на поддержку общественного мнения, на психологические факторы, в частности на чувство связи человека с окружающими людьми, стремление следовать распространенному примеру. В тоже время традиции по сравнению с обычаям представляют собой более широкие образования, в меньшей степени связаны с чувствами, эмоциями людей. Отличает эти социальные регуляторы и то, что обычаи складываются на протяжении нескольких поколений, а традиции – в более короткое время. В числе новых формирующихся традиций можно назвать спонсорство, т.е. финансирование, поддержка какого-либо мероприятия со стороны состоятельных лиц или организаций» [43, стр. 284].

Следует отметить, что традиция, интерпретируемая в данном смысле – это особая нормативно-регулятивная система, представляющая интерес для юридической науки уже в силу того, что она является своего рода предшественницей регулятивно-правовой системы. Именно поэтому древнее общество многие исследователи именуют традиционным, и противопоставляют его современному обществу [23; 31; 52; 77; 80; 91].

При этом, как не странно, до сегодняшнего дня отсутствует разработанная теория традиции, несмотря на то, что потребность в ней ощущается всё в большей степени [96, стр. 208].

Наиболее полная характеристика феномена

«традиция», в современной юридической литературе дана В.А. Бачининым и В.П. Сальниковым которые определяют традицию как «исторически устойчивую форму кристаллизации социального – практического и духовного – опыта в нормативно-ценностные структуры, оказывающие регулятивное воздействие на социальное поведение индивидов и общностей» [29, стр. 316]. Авторами также совершенно точно отмечается, что «традиции являются непременным атрибутом цивилизационного и культурного развития социальных систем всех типов, начиная от архаических и вплоть до наиболее модернизированных. Это в значительной степени объясняется их полифункциональностью» [27, стр. 316].

При этом выделяются следующие функции традиции, как социально-регулятивной системы:

1. кумулятивная функция, предполагающая способность накапливать жизненно важный опыт;
2. социализирующая функция – активное участие в воспитании индивидуумов, в превращении их в полноценных членов общества;
3. трансляционная функция – участие в передаче духовно-практического опыта от поколения к поколению, осуществление связи времен и преемственности поколений;
4. регулятивная функция – использование нормативного потенциала как фактора социального контроля за индивидуальным поведением;
5. адаптационная функция – способность традиции пребывать в социальном пространстве между повседневными стереотипами масс и нарождающимися новациями и участвовать во взаимном приспособлении тех и других друг к другу;
6. консолидирующая функция – скрепление индивидуальных «я» в общее интегральное «мы» – нацию, народ, сословие, корпорацию, коллектив;
7. стабилизирующая функция – внесение в социальные отношения начал устойчивости, позволяющих им сохранять свои основные признаки на фоне общей изменчивости внешних условий [27, стр. 316].

Как уже отмечалось выше, традиция нормативна, одна из её главных функций – регулятивная. Будучи интегративной формой

регуляции, традиция включает в себя ритуал, этикет, миф (последний – как одна из идеальных форм традиции). Все эти формы регуляции считаются унаследованными от предков и уже поэтому имеют императивный характер для любого члена группы. По мнению известных антропологов Р.М. Берндт и К.Х. Берндт общепринятые стандарты поведения у аборигенов считаются наследием прошлого. По их представлениям, великие мифические предки создали тот образ жизни, который ведут теперь люди. И так как сами мифические предки считаются вечными и бессмертными, таким же неизменным, раз и навсегда установленным должен быть и существующий уклад жизни [29, стр. 255].

Таким образом, «устойчивость традиций в общественном сознании и бытии объясняется во многом их укорененностью в бессознательных слоях коллективной и индивидуальной психики, их сращенностью с основополагающими архетипами. Последние создают предрасположенность сознания к стереотипизированным формам жизневосприятия, превращают традицию в общечеловеческий социокультурный механизм» [27, стр. 316].

Но традиция может быть интерпретирована и в более широком смысле, выходящем за понятие обычая, т.е. применительно к процессам генезиса и эволюции национальных правовых систем, правовых культур конкретных государств, общественного правосознания характеризующегося национально-этнической спецификой и т.д., то есть с позиций состояния и функционирования политико-правовой реальности [25; 26]. Именно этот аспект представляет наибольший интерес для настоящего исследования, так как предполагает анализ именно юридической составляющей обозначенной проблемы.

В указанном значении интерпретируется феномен традиции, например К.В. Арановским, который на примере российской правовой системы обосновывает введение в научный оборот категории «государственно-правовая традиция». В частности ученый пишет следующее: «Укоренение конституционного права в российской среде нельзя понимать как заполнение юридическим материалом еще неосвоенного пространства. Напротив, даже после множественных потерь которые неоднократно терпел отечественный жизненный строй, он не оставляет впечатления

пустоты, вполне свободной для размещения новых правообразований. Это заметно хотя бы в том, что конституционные намерения осуществляются в России подчас довольно далеко от их собственного смысла, не с той последовательностью и не с теми последствиями, как в странах с укоренившимся конституционным правом».

Такое наблюдение позволило ученому предположить, что «отношения, которые позитивное конституционное право предназначено упорядочить на свой манер, не свободны от влияния других регуляторов; что регуляторы эти имеют политико-правовое значение и с конституционализмом не обязательно совпадают. Было бы странно ожидать иного, когда каждое общество вырабатывает не только речевой строй или жизненные навыки в целом, но и, например, формы представительства, управления и политико-правового уклада».

Следовательно, речь должна идти о взаимодействии, условиях соприкосновения явлений, которые... можно объединить общим наименованием государственно-правовой традиции» [22, стр. 14-15].

Иногда, в отечественной правовой науке, собственно юридическое понимание феномена «традиция» несколько суживается, и последний, рассматривается применительно к эволюции или характеристике самобытности отдельных правовых институтов или правовых учений. Так, например, Ю. Малевич в своей статье под названием «Незападная (тихоокеанская) традиция прав человека» употребляет категорию «традиция» анализируя институт прав человека применительно к определенной социально-культурной среде [53, стр. 97-113].

А.А. Корольков применяет термин «традиция» проводя сравнительный анализ западноевропейской и русской философии права. Ученый усматривает признаки традиции в преемственности научных концепций, складывающихся под влиянием правовых культур запада и России [47, стр. 432-435; 78]. Сходный подход наблюдается в статье В.В. Момотова «Российская правовая традиция: из истории формирования» [63, стр. 302-304] и в статье С.А. Мурашовой «Развитие отечественной традиции правопонимания в эпоху постмодерна» [64, стр. 199-202].

В широком, собственно юридическом смысле феномен традиции понимается и в рамках

западной правовой науки. Так в известной отечественному читателю работе под названием «Западная традиция права: эпоха формирования» Г.Дж. Берман пишет следующее: «Была однажды такая цивилизация, и называлась она «западная»; она создала «законные» институты, ценности и понятия; эти западные законные правовые институты, ценности и понятия веками сознательно передавались из поколения в поколение, и так из них получилась «традиция». Западная правовая традиция произошла от «революции», а потом в течении многих столетий другие революции периодически прерывали и изменяли ее. В XX в. западная традиция права переживает величайший за всю свою историю революционный кризис, да такой, который, по мнению некоторых, с ней практически покончил» [28, стр. 19].

Анализ вышеизложенных подходов позволяет выделить два проблемных блока, связанных с собственно юридическим пониманием феномена традиции.

Во-первых, следует отметить разницу в объеме толкуемых понятий. Так, одни авторы рассматривают традицию применительно к эволюции или характеристики самобытности целых правовых систем (К.В. Арановский, Г.Дж. Берман), другие применительно к конкретным правовым институтам, явлениям, учениям и т.д. (Ю. Малевич, А.А. Корольков).

Во-вторых, весьма важно обратить внимание на само понимание феномена традиция, применительно к юридической сфере. Так одни авторы, (представители российской правовой науки) рассматривают традицию как явление практически тождественное феномену «преемственность» (К.В. Арановский, Ю. Малевич, А.А. Корольков). Другие наряду с преемственностью выделяют и такую составляющую как изменчивость (Г.Дж. Берман).

Рассматривая первый из обозначенных аспектов, автор считает целесообразным провести градацию юридически значимых традиций в соответствии с философскими категориями «общее» и «особенное». При этом вполне правомерным выглядит конкретизация юридически значимых традиций к конкретным сферам жизнедеятельности. Вместе с тем целесообразно использование категории «традиция» применительно к самобытности, преемственности в развитии национальных политико-правовых систем. Причем категория «правовая традиция»

не позволяет охарактеризовать всю юридическую сферу, т.к. выпадает из исследовательского поля, такой феномен как государство. Не совсем точным в данном случае выглядело бы и использование категории «государственно-правовая традиция», т.к. эта категория на настоящий момент воспринята наукой конституционного права и ее используют, характеризуя конституционные процессы. В этой связи мы предлагаем ввести в научный оборот категорию «политико-правовая традиция», которая выступает в качестве некоего общего начала, и характеризует соответствующие явления в политико-правовой сфере.

Характеризуя феномен политико-правовой традиции важно показать соотношение синтезируемых категорий «политическая традиция» и «правовая традиция».

Рассматривая соотношение указанных категорий, мы исходим из широкого понимания политики как *отношений между социальными общностями (классами, нациями, государствами)*. Эти отношения складываются на основе существующего исторического типа способа производства, производственных отношений, которые определяют место и роль различных социальных общностей, социально-политических сил в системе конкретно-исторических общественных отношений. Разные и даже противоположные социальные цели и интересы движущих сил (субъектов) общественных отношений предопределяют и разные способы достижения поставленных целей и осуществления интересов этих сил. В любом случае общественные отношения складываются в виде определенной исторической модели или политической традиции. Политические традиции отражают относительную устойчивость, стабильность социальных целей и интересов социально-политических сил данного общества. В свою очередь эта устойчивость и стабильность зиждется на принципах конкретной социальной системы, на тех экономических основаниях (характер и уровень развития орудий труда, производительных сил), которые присущи этой системе.

Политика, политические традиции как непосредственное воплощение экономики и экономических традиций являются основополагающими для понимания сущности и особенностей традиций во всех других сферах общественных отношений, общественной жизни [3; 4; 5; 6; 7; 26; 30; 36; 39; 40; 44; 48; 54; 55; 62; 70;

73; 75; 82; 86; 87; 93; 94; 95]. Основополагающий характер политики и политических традиций по отношению к другим традициям определяется тем, что политика:

- непосредственно выражает социально-историческое, особенное экономическое положение, место и роль данной социальной общности, силы;
- ставит и оформляет цели и интересы данной социальной силы;
- определяет и решает способы и средства достижения ее целей и интересов;
- создает необходимые условия и обеспечивает ресурсами достижение целей и интересов.

По отношению к правовым традициям политика и политические традиции выступают в качестве:

- основного источника их возникновения, формирования и функционирования;
- целеуказания и функционального предназначения;
- движущей силой, обеспечивающей изменения государственно-правовых традиций;
- базой для функционирования и развития, создающей субъект и объект этих традиций.

Политические и правовые традиции тесно и диалектически взаимосвязаны. У них имеется много общих, совпадающих элементов. Основными из них являются субъекты традиций.

Субъектами, носителями и политических, и правовых традиций являются социально-политические силы, социальные общности с их коренными интересами и целями. Общим в этих традициях является важнейший идеальный элемент их сущности – интересы и цели субъектов традиций, а также социальная направленность последних, определяемая носителями.

Приоритетный характер политики и политический традиций, производность от них правовых традиций не означает относительной самостоятельности и своей социальной роли права и правовых традиций. Они представляют в известной степени обособленное социальное явление. Имеют свою сущность, характерные особенности и реализуют свою социальную роль. По отношению к политике и политическим традициям правовые традиции являются:

- формой практического воплощения, закрепления и реализации политики и политических традиций;
- имеют свои закономерности возникновения,

формирования, реализации и изменения;

- выполняют самостоятельные социальные функции – социально-организующую, предметно-деятельную, нормативно-регулятивную, правоохранительную, кумулятивную, прогностическую и др.(раскрываются далее);
- обладают большей устойчивостью, консервативностью, сохраняясь и действуя даже тогда, когда политика и политические традиции подверглись существенным изменениям;
- оказывают обратное воздействие на политику и политические традиции тем, что или способствуют, или тормозят их функционирование и реализацию в зависимости от своей социальной сущности и направленности.

Как справедливо отмечает Р.Ф. Матвеев, «недооценка и игнорирование наличия, реального влияния и веса традиций приводит политических деятелей к изоляции от населения, а политические партии – к поражению, иногда весьма тяжелому, что, естественно, сопровождается и возникновением и обострением внутреннего кризиса, внутренних конфликтов, расколами партий и политических группировок, осуществляющих власть. В кризис попадает вся политическая система.

Переоценка роли традиций, которая нередко бывает результатом незнания механизмов их появления и развития, толкает политиков и партии к пассивности, застою, к пренебрежению необходимостью изучать и соблюдать объективные законы движения общества, к пассивности и фатализму разного рода. Это также может стать фактором, тормозящим осуществление политики и ведущим к поражению. Помимо прочих условий, таким образом, при принятии политического решения приходится избегать упомянутых крайних позиций: игнорирования традиций и преувеличения их значения. Но правильная линия между этими двумя крайностями не является геометрической равнодействующей: соотношение между ними меняется во времени и пространстве, тем более что каждая традиция (или, точнее, то, что мы называем традицией) есть множество самых противоречивых тенденций и процессов» [58, стр. 140].

Таким образом, прогрессивные право и политико-правовые традиции способствуют

формированию и реализации прогрессивной политики и политических традиций, создавая для них необходимую организационно-нормативную базу, стабилизируя и укрепляя устойчивость сложившихся политических отношений. Регрессивное право и регрессивные политико-правовые традиции, наоборот, создают препятствия и существенные, порой непреодолимые, ограничения для политических отношений, для их дальнейшего функционирования и развития.

Американский исследователь военных традиций К. Набулси выделяет две основных военных традиции, подчеркивая их органическую и диалектическую связь с политикой и политическими традициями, – политическую и республиканскую. По его мнению, политическая традиция характеризует социально-политическую сущность войны, рассматривая войну как инструмент и решающий способ достижения политических и идеологических целей. Республиканская традиция войны считает войну нарушением правового договора между противостоящими сторонами. Оценивает войну как существенный способ и форму возникновения новых политических и правовых моделей общественных отношений, государственного устройства, политики, права, политического и правового сознания [99, р. 74-77].

К. Набулси акцентирует внимание на методологической стороне сущности традиций войны, которые, по его мнению, формируются «на основе духовной [интеллектуальной] истории, политической науки, социологического анализа и философии морали» [99, р. 79]. Он делает вывод о том, что «традиции войны служат моделями мышления и практики, как в пределах, так и за пределами данного исторического промежутка времени».

Не давая оценку характера и степени научности классификации военных традиций, выделения политического и республиканского направлений этих традиций, обратим внимание на вывод К. Набулси о двуединой – социально-политической и политико-правовой сущности и функций любых традиций, на их диалектические связи и взаимодействие между собой. В качестве аргументов К. Набулси ссылается на историю, в частности Древнего Рима, на народные традиции гетов, чьи захватнические войны способствовали падению Римской империи [61; 99].

Право и правовые традиции, имея единую

социально-политическую и политико-правовую сущность, одновременно являются и противоположностями между собой и по отношению к политике и политическим традициям. Внутри права, правовых традиций, а также между ними и политикой, политическими, правовыми традициями имеются существенные противоречия. Эти противоречия включают взаимодействие между исключаящими или отличными друг от друга сторонами, связями, элементами.

Во-первых, политика, политические традиции, как и право, правовые традиции имеют свою сущность, свое содержание и форму, а также свой механизм взаимосвязи и взаимодействия. Если сущность политики составляют социально-политические отношения, то политические традиции по своей сущности являются лишь относительно устойчивыми моделями (идеальными и материальными слепками) этих отношений. Сущность права составляет система правовых норм и правовых отношений, выражающих коренные интересы экономически и политически-господствующего носителя [42, стр. 158-169]. Сущность правовых традиций составляют относительно устойчивые модели (идеальные и материальные слепки) правовых норм и правоотношений.

Во-вторых, право и правовые традиции, как и политика и политические традиции содержат внутри себя противоположные и, в известной мере, взаимоисключающие элементы – идеальные и материальные, имеющие свою сущность и свои закономерности формирования и развития, а также свои закономерности взаимодействия между собой. Характерные закономерности выражают и диалектику политики и права, политических и правовых традиций. Право является формой проявления и реализации политических отношений и политических традиций. Правовые традиции являются составной частью права и правовой системы, как и политические традиции являются органической частью политики и политической системы. Они соотносятся между собой как часть и целое, где частью являются правовые или политические традиции, а целым – право, правовая система или политика и политическая система. Целое (право и правовая система или политика и политическая система) по отношению к части имеет более высокое качество, чем качество части.

В-третьих, будучи содержанием и формой, политика и политические традиции, с одной стороны, и право и правовые традиции, с другой стороны, по-разному взаимодействуют друг с другом. Политика и политические традиции обладают известным приоритетом и определяющей функцией по отношению к праву и правовым традициям. В свою очередь, право и тем более правовые традиции, будучи производными от политики и политических традиций, являются более консервативными элементами социальной системы. Они более длительное время, а точнее в течение определенной исторической эпохи, в пределах данного исторического способа производства сохраняют и свою социальную сущность, и свое содержание, и форму. Тем самым они выступают определенной преградой, известным тормозом по отношению к политике и политическим традициям, подверженным более частым изменениям и даже переменам сущности.

В Российской Федерации политика и политическая система стали качественно иными в период с 1991 по 1993 гг., в то время, как право и правовая система, а также правовые традиции и по содержанию, и по форме до сих пор в значительной мере остаются советскими. Изменение соотношения социально-политических сил в стране в пользу либеральных демократов, позволившее занять им главенствующее положение в органах законодательной власти, обусловило принятие целой серии нормативно-правовых актов, включая конституционные законы, существенно опрокидывающих и устранивающих и правовые нормы, и правовые традиции советского периода. И, в то же время, советское право и советские правовые традиции оказываются достаточно живучими в, казалось бы, уже изменившей свою сущность социальной системе. Если советское право и советские правовые традиции во многом сохраняли существенные элементы буржуазного права и буржуазных правовых традиций, то «новые» законы Российской Федерации сохраняют значительные элементы и в содержании, и в форме советского права и советских правовых традиций. Они сохраняют и значительные элементы своей сущности.

Как показывает сравнительный анализ, политические и правовые традиции представляют собой взаимопроникающее, диалектически переходящие друг в друга явления, сочетающиеся между собой по двум критериям:

во-первых, как форма и содержание, что вытекает из соотношения права (формы) и политических отношений, составляющих содержательную часть.

во-вторых, как экстраполяция диалектического единства государства и права в область социальных традиций. В данном случае, функционирование государства как политической организации социума, аппарата публичной политической власти детерминируют специфику целого ряда традиций, которые могут быть определены как политические. При этом они находятся в неразрывной связи с традициями, которые в юридической науке принято именовать правовыми, т.е. связанными с некой преемственностью и диалектическим развитием правовой системы, правовой культуры общества и общественного правосознания.

Взаимообусловленность и диалектическое единство феноменов «политика» и «право», позволяют выделить в качестве относительно обособленного и целостного политико-правовой феномен, который в свою очередь обуславливает и существование такой разновидности социальных традиций как *политико-правовые*.

Наряду с вопросами определения категориального статуса феномена «политико-правовая традиция», еще один проблемный блок, связанный с собственно юридическим пониманием феномена традиции составляет комплекс вопросов, возникающих по поводу соотношения тенденций преемственности и изменчивости (модернизации).

Нам бы хотелось особо обратить внимание на то, что феномен политико-правовой традиции представляет собой единство содержания и формы. Содержательную сторону составляют политические и иные социальные отношения, которые характеризуют динамику традиции. Но при этом существует и формальная сторона. Основные, наиболее значимые с точки зрения общества и государства отношения облекаются в правовые формы, которые в наименьшей степени подвергаются историческим изменениям. По справедливому замечанию Д.А. Керимова «содержанию права присуще постоянное развитие, непосредственно отражающее движение и изменение материальной и духовной жизни общества; развитие же формы права является опосредованным, происходит через изменение направленности и функций содержания. Однако определяющую роль содержания

права по отношению к его форме не следует абсолютизировать: на развитие той или иной формы права влияют и многие иные факторы природной и социальной действительности (особенности исторической обстановки, национальные традиции, обычаи и т.д.), равно как и уже существующие формы позитивного права (например, наличие развитых форм конституционного законодательства, влияющих на формы текущего законодательства). Но в основном определяющее значение в развитии форм права принадлежит его содержанию» [42, стр. 182].

Таким образом, политико-правовая традиция – это не просто мертвая форма, не подлежащая изменениям и сохраняющаяся на протяжении веков в неизменном первородном состоянии. Этой форме присуще постоянно развивающееся содержание. Французский историк и социолог права А. Леви-Брюль писал в этой связи: «Достаточно часто случается, что в процессе развития права формы выражения права либо не успевают за его развитием, либо его обгоняют. Наиболее яркий пример – это нормы права, которые были сформулированы письменно или устно и передавались из поколения в поколение в одних и тех же выражениях в течение многих лет. Подобные нормы обретают весьма серьезное уважение, в результате чего изменение данной нормы становится все более и более затруднительным. Но наступает момент, когда содержание нормы перестает быть адекватным существующим условиям» [21, стр. 654; 101]. И в этом смысле политико-правовая традиция – это нечто, находящееся в постоянном движении, изменении; и источник этого движения в ней самой. Ее динамика, как и динамика любой традиции – «это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Рассмотренный с системно-кибернетической точки зрения, он выступает в качестве стержня процесса социальной самоорганизации» [56]. Как справедливо отмечает в этой связи П. Штомпка, традиция – это непрерывное существование прошлого в настоящем, которое может принимать две формы: материальную и идеальную, или объективную и субъективную. Другими словами, традиция – это совокупность тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем [98, стр. 90].

Таким образом, форма – это наиболее

устойчивая составляющая политико-правовой традиции. Но следует констатировать, что и с точки зрения формы политико-правовая традиция подлежит изменениям. При этом разрешение противоречия между содержанием и формой может проходить по-разному – от полного отбрасывания старой формы, переставшей соответствовать новому содержанию, до использования старых форм, не смотря на существенно изменившееся содержание [79, стр. 622].

Но, несмотря на возможные изменения формы, именно последняя в наибольшей степени обеспечивает эффект преемственности в рамках политико-правовой традиции. В свою очередь именно преемственность является основным сущностным признаком любой традиции.

Вообще преемственность в праве – это объективно существующая связь, обеспечивающая развитие права как системы, проявляется также и в том, что право выступает «прежде всего, как система воспроизводства общих условий существования общества, его устойчивости и упорядоченности» [37, стр. 33; 45; 51; 65; 68; 81; 97].

Специфика преемственности в рамках политико-правовой традиции, обусловлена нормативностью, свойственной праву, которая и обеспечивает объективные потребности в утверждении в общественной жизни принципов цикличности, кругооборота отношений и процессов, их непрерывного постоянства во всем общественном организме. Именно благодаря этой объективной потребности, в ответ на которую и сложилось позитивное право с рядом уникальных свойств, выраженных во всеобщности, строгой определенности по содержанию, высокой обеспеченности. «Любое человеческое сообщество нуждается в том, чтобы организованность и упорядоченность существующих в нём отношений соответствовали законам природы и одновременно – законам существования и функционирования человеческого сообщества, на началах разумности и целесообразности. А все это включает необходимость известного ритма, цикличности, повторяемости, а главное, что эти ритм, цикличность, повторяемость вошли в саму плоть жизни людей, стали законом в человеческом бытии» [51, стр. 61]. Таким образом, нормативность, являясь одним из стержней правового регулирования в обществе, имеет значение закономерности – логики самой

сущности права, изучение и методологический анализ которой невозможны без опоры на категорию преемственности в праве.

Кроме того, специфику преемственности в рамках политико-правовой традиции, детерминирует определенность прав и обязанностей в рамках конкретных правовых форм. Правовое регулирование как любой идеальный процесс не может проходить без участия материи. Такой материей является язык как система, состоящая из материальных знаков (графических, звуковых). Еще в начале века знаменитый русский юрист Н.С. Таганцев отметил: «Мысль, предложенная законодателем, не нашедшая выражения в тексте закона не составляет закона: что не выражено, то не может быть и выяснено» [83, стр. 91]. И действительно, с помощью текста мысли идеи материализуются, становятся доступными для других субъектов, обретают собственное, независимое существование от субъектов, их создавших.

Весьма точно роль текстуального оформления охарактеризовал С.С. Алексеев: «Когда речь заходит о юридических правах и обязанностях, нередко у людей возникает представление о том, что в этой области главным становится не сама жизнь, не интересы человека, не его житие, а «бумага» и «буква», да при том такие, которые исходят из казенных канцелярий, от чиновников и заскорузлых бюрократов.

Такие представления в немалой степени верны. Но надо знать, что при всех издержках и недостатках, относящихся к канцелярщине и бюрократизму (в любом добром деле есть какие-то теневые моменты, а тем более издержки и крайности), именно «бумаги» и «буква» выражают решающее достоинство юридических прав и обязанностей, которое имеет первостепенное значение для нашей жизни, отношения наших жизненных проблем.

Ведь... достоинства юридических прав и обязанностей (официальность, публичность, нормативный характер) имеют реальное значение не тогда, когда у нас существуют лишь какие-то мысли о возможностях и долге, о том, что «можно» и «должно», а лишь тогда, когда эти мысли и представления имеют строго определенный по содержанию характер и получают внешнее, «знаковое», в современных условиях – по большей части документальное закрепление, т.е. приобретают характер *формальной*

определенности» [8, стр. 17].

Предельно строгий и точный способ фиксации содержания в виде письменных знаков (в том числе – ныне выражающийся в средствах и механизмах компьютерной техники) на протяжении тысячелетий применялся для записей и сохранения соответствующих правовых норм. При помощи письменных документов оказалось возможным достичь предельной точности, ясности, конкретности в определении круга субъектов, прав, обязанностей, юридических гарантий, санкций, иных правовых последствий и т.д. [51, стр. 61].

Как совершенно точно отмечает в этой связи Ф.Ф. Литвинович, «определенность права по содержанию, как важнейшее проявление сущности права преемствуется в праве, в какой-то мере охватывая и другие особенности права, в том числе и свойство нормативности. При этом нормативность выступает не только как важнейшее свойство права, но и в виде одной из сторон определенности содержания – определенности по сфере действия, которая опять-таки при помощи письменной формы и обеспечивает всеобщую нормативность (возможность сделать строго определенные по содержанию нормы общеобязательными, установить одинаковый, равный для всех порядок в правах и обязанностях, формах и способах их обеспечения, гарантий)» [51, стр. 62].

Следующим фактором, обеспечивающим преемственность в рамках политико-правовой традиции является связь, с государством выраженная в государственной поддержке и обеспеченности институтами публичной политической власти политико-правового наследия. Государственная обеспеченность политико-правовой традиции, обуславливает такое свойство как прочность, надежность, высокая гарантированность действия права, возможность сделать реальным (главным образом при помощи государственной власти, его принудительной силы) вводимый порядок прав и обязанностей «переводить» его в реальные жизненные отношения, что позволяет обществу или личности при помощи юридических механизмов добиться реального результата, обозначенного правом.

В современной юридической литературе отмечается, что «конкретные проявления категории преемственности в праве имеют место в использовании правовых элементов прошлого

(правовых норм, институтов, принципов, элементов правовой системы, правовой терминологии), а также сфере правотворчества (в законодательной технике, систематизации законодательства и кодификации)». При этом проблема преемственности в сфере юридической техники достаточно широко обсуждалась отечественными и зарубежными правоведами. Были высказаны самые различные мнения, исключая друг друга точки зрения – от отрицания возможности такой преемственности до признания её необходимым элементом развития права. Некоторые наиболее прозорливые авторы признавали возможность и подчеркивали необходимость преемственности в сфере юридической техники. В этой сфере она возможна, как верно отмечает В.К.Бабаев, в силу двух факторов: «во-первых, правила законодательной техники, будучи техническими нормами, не имеют социально-классовой направленности, во-вторых, их следует рассматривать как элемент общей культуры» [24, стр. 86].

Как отмечает в своем весьма интересном с точки зрения проблемы политико-правовой традиции исследовании Ф.Ф. Литвинович, «дискуссии по поводу преемственности в праве были вполне закономерны, в советский период в основном речь велась о преемственности между «историческими типами права» – буржуазным и социалистическим. Тезис о «внеклассовости» юридической техники открывал возможность использования в юридической практике её приёмов, выпестованных самой историей развития права и обоснованных буржуазной наукой. При этом оговаривалась необходимость применения лишь формы, и давалась ориентация на наполнение ее новым содержанием» [51, стр. 63]. Результатом такого рода оценочной идеологически ангажированной деятельности явилось почти полное забвение многого из того, о чем писали классики правоведения до революции и что в настоящий период осмысливается, приобретая, казалось бы, утраченную для отечественного права ценность. Цепи преемственности, и не только в праве, в значительной мере оказались прерванными [79, стр. 783-784].

Рассматривая проблему политико-правовой традиции, следует отметить, что сегодня весьма важным становится использование, сохранение организационно-технического опыта, который складывался в прошлом в создании форм правовой

системы. Так, в России является бесценным опыт создания и поддержания в актуальном состоянии Свода законов Российской империи. Забвение опыта Сперанского и его коллег, создавших такой Свод, слишком дорого обошлось правовой системе социализма. И хотя в основе такого забвения лежали политические причины (сокрытие многих законов от граждан, разрыв формальных положений и фактических ситуаций и т.п.), но все равно уже в 70-х годах пришлось создавать Свод законов СССР и обращение к опыту Сперанского, преемственность в этой сфере стала насущной потребностью. Сохраняется такая потребность в преемственности и сейчас, когда создается Свод законов Российской Федерации [32, стр. 139].

Весьма важно значение преемственности в политико-правовой традиции складывающейся в сфере правоприменения (толкования права, формы функционирования процессуальных институтов). Преемственность в указанной сфере отличается следующими важными признаками:

- правоприменение осуществляется уполномоченными на то органами государства либо органами общественного самоуправления, которые и являются субъектами преемственности в этой сфере;
- правоприменение – это рассмотрение конкретного юридического дела, по которому выносится решение индивидуального характера, а индивидуализация и персонификация в применении права – как важнейшая его особенность неизменно присутствует и преемствуется на всех этапах его развития;
- результат правоприменения является обязательным для субъектов, которым оно адресовано, и для тех органов, которые должны его исполнять, что также характерно и присуще праву;
- правоприменительная деятельность носит всегда властный характер, а власть и право традиционно неразделимы;
- правоприменение преемственно регламентируется специальными нормами, определяющими порядок и последовательность совершения тех или иных действий.

Следует отметить, что возникновение благоприятных социально-экономических, политических, культурных и иных условий для развития политико-правовой традиции

способствует одновременно и процессам более глубокого изучения и использования правовых достижений прошлого, т.е. масштабному проявлению преемственности в праве.

Преемственность в рамках политико-правовой традиции может осуществляться в двух направлениях:

Во-первых, во времени (по вертикали) – восприятие и усвоение правовых элементов прошлого.

Во-вторых, в пространственном (по горизонтали) – восприятию и усвоению правовых ценностей, созданных в одновременно существующих государствах.

В реальной жизни такая градация весьма условна, и как правило эти направления взаимообусловлены и взаимопроникаемы.

При этом необходимо учитывать, что преемственность по горизонтали не менее важна для правового прогресса, чем преемственность по вертикали по следующим причинам:

- в силу неравномерности развития различных стран, К.Маркс отмечал, что всякая нация может и должна учиться у других [57, стр. 417];
- внутреннее развитие народов и их внешнее общение нельзя рассматривать иначе как в единстве, внешние связи способствуют развитию правовой системы (пример – кодекс Наполеона, который оказал существенное влияние на развитие права многих стран).

Исследование преемственности в правовой сфере как правило осуществляется в двух аспектах:

Во-первых, изучаются преемственность в праве внутри одного социально-экономического типа, где сущность государственно-правовых явлений едина, а изменение правовых форм происходит по мере изменения и развития государства и права данного типа;

Во-вторых, изучается междутиповая преемственность политико-правовых явлений.

В современной юридической науке в наибольшей степени разработана проблема междутиповой преемственности, под которой понимают многостороннюю связь между различными ступенями (этапами) развития права, состоящую в сохранении и использовании отдельных элементов правового наследия в процессе изменения права [45, стр. 322].

Еще одним фактором, обуславливающим

преемственность в рамках политико-правовой традиции, является связь права и морали [31; 34; 60; 66; 72; 74; 76; 88; 92]. Чаще всего, юридически значимая традиция, пронизана идеями справедливости и апеллирует к неким устоявшимся социальным ценностям*. Как справедливо указывает В.А.Туманов, право во всех его проявлениях – как нормативная система, движение общественных отношений, правосудие – должно быть пронизано нравственностью. Внутренняя моральность права – одно из важнейших условий его эффективности [85]. При этом элементарные общечеловеческие требования, основанные на христовых заповедях («не укради», «не убий» и т.д.), не сводятся к ним одним, а представляют собой более конкретизированные и развернутые нормативные положения, такие, как: добросовестность, вера в данное слово, чувство персональной ответственности за свои поступки, открытое признание своей вины и другие из того же ряда [71, стр. 538].

Моральность права и в первую очередь выражение в нём начала справедливости – этико-юридическое требование, которое свидетельствует о генетической общности того и другого постоянно присутствующий и преемствуемый фактор, свидетельствующий о наличии у них единого прародителя в самих основах человеческого бытия.

Эта общность, единство относятся не только к содержанию права как нормативно-ценностной регулятивной системы, т.е. к содержанию законов, иных нормативных юридических документов, не только к практике их реализации, но и к политико-правовой традиции в целом. Немалое число нормативных положений, содержащихся в этих документах и имеющих оценочный характер (таких как «грубая неосторожность», «исключительный цинизм», «оскорбление», «разумный срок» и другие аналогичные положения), могут приобрести необходимую определенность и реальное юридическое действие только на основе моральных критериев и моральных оценок пронизывающих конкретную политико-правовую традицию. На основе этих же критериев и оценок преемственно решаются принципиальные юридические вопросы при рассмотрении юридических дел, связанных с назначением мер юридической ответственности, размера возмещения за причинение нематериального вреда, с расторжением брака, лишением родительских

прав и т.д.

Моральные воззрения теснейшим образом переплетаются с другими формами осознания реальности и действительности, важнейшей из которых выступает правосознание, связанные в свою очередь с философскими теориями, идеологическими воззрениями, религиозными доктринами. Правосознание – это наиболее

инерционное, преемствуемое в наибольшей степени средство воздействия на общественные отношения, специфической чертой которого является то, что его роль не ограничена какой-либо одной стадией правового воздействия на жизнь общества. Правосознание включает работу и на стадии правотворчества и на стадии правоприменения [51, стр. 66].

Примечания

- * Указывая на связь политико-правовой традиции с моралью, автор, безусловно, отдает себе отчет об условности такого взаимодействия и о «размытости границ» самих предписаний морали. Так, например, существуют традиции политико-правового характера, которые с точки зрения современной европейской правовой культуры могут оцениваться как аморальные – например, кровная месть.

Список литературы

1. Аверенцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М., 1976.
2. Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России (Институциональный и нормативно-правовой аспекты). – Ростов-на-Дону: СКНИ, 2000. – 362 с.
3. Акаев А. Геополитика и экономические циклы // Политический класс. – 2008. – № 10.
4. Акаев А. Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. – М.: Международные отношения, 2003.
5. Акаев А. Евразийские перспективы возрождения России. – СПб.: Северная звезда, 2012.
6. Акаев А.А. Глобализация и евразийская безопасность // Геополитика и безопасность. – 2009. – № 2-3. – С. 8-18.
7. Акаев А.А., Акаева Б.А. Вызовы глобального демографического перехода и неотложность стратегических решений // Век глобализации. – 2011. – № 1.
8. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
9. Алиев Я.Л., Сальников В.П., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые итоги аксиологического исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №10. – С. 165-183.
10. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 25-33.
11. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-19.
12. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Демократизация и укрепление связи с народом – ведущая традиция в прогрессе полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 37-52.
13. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
14. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Правовая реальность и формирование традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 61-75.
15. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
16. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 7-18.
17. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: государственно-правовая сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 7-19.
18. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 7-15.
19. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции, кадры полиции и юридическая наука // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 142-158.
20. Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической

- функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33.
21. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т.3. Европа. Америка: XVII – XX вв. – М., 1999.
 22. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. – СПб., 2003.
 23. Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Политические исследования. – 2001. – № 3.
 24. Бабаев В.К. Советское право как логическая система. – М., 1978.
 25. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
 26. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
 27. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб., 2000.
 28. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998.
 29. Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. – М., 1981.
 30. Бобылев С.Н. Политика «Двойного выигрыша» // Стратегия России. – 2012. – № 9(105). – С. 53-60.
 31. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права (Сборник статей по философии и истории права). – СПб., 2002.
 32. Венгерова А.Б. Теория государства и права: Часть 2. Теория права. Том 1. М.: Юрист, 1996.
 33. Власкин А.Г. Мораль и традиции. – Л., 1981.
 34. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114-119.
 35. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
 36. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Политический исторического процесса. 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
 37. Ершов Ю.Г. Философия права (материалы лекций). – Екатеринбург, 1995.
 38. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28 – 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
 39. Идейное наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада: Научно-аналитический обзор. – М., 1983.
 40. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. – СПб., 2009.
 41. Ищенко Е.Н. Развитие евразийских традиций в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004.
 42. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2000.
 43. Кожевников С.Н. Право в системе социальных норм // Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М., 1999.
 44. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
 45. Колдаева Н.П. О преемственности в праве. – М., 1991.
 46. Колотова Н.В. Мораль и право: анализ традиции и исследования ценностных аспектов проблемы // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
 47. К47. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиция // Русская философия права / Под ред. А.П. Альбова, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова. – СПб., 1999.
 48. Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества: Сб. науч. ст., посвященный 80-летию Э.С. Маркаряна / Под общ. ред. А.В. Бондарева, Л.М. Мосоловой. – СПб.: СПбКО, 2010.
 49. Кураев В.И. Содержание и форма // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
 50. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М., 2002.
 51. Литвинович Ф.Ф. Специфика исследования преемственности в праве // Государство. Политика. Право: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.Г. Хабибулина. – Уфа, 2000.
 52. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного нетрадиционализма. – СПб., 2011.
 53. Малевич Ю. Незападная (тихоокеанская) традиция прав человека // Ежегодник. К пятилетию вступления России в Совет Европы. – М., 2001. – С. 97-113.
 54. Малько А.В. Теория правовой политики: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
 55. Маркарян Э.С. Гуманизм XXI столетия: Идеология самосохранения человечества. – Ереван: РАУ, 2008.

56. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 80-86.
57. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 37. – М., 1976.
58. Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1993.
59. Матузов Н.И. Право в системе социальных норм // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000.
60. Матузов Н.И. Право и мораль в их взаимодействии. – Саратов: СГУ, 1969.
61. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи: традиции военной службы и воинская ментальность. – СПб.: Филологический факультет ЛГУ; Акра, 2006.
62. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
63. Момотов В.В. Российская правовая традиция: из истории формирования // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 14 декабря 2001 г. / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2002.
64. Мурашова С.А. Развитие отечественной традиции правопонимания в эпоху постмодерна // Труды Московской государственной юридической академии: Сб. статей. – 2003. – №10. – С. 199-202.
65. Наконечная Т.В. Преемственность в развитии советского права. – Киев, 1987.
66. Наш трудный путь к праву: Матер. философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
67. Неновски Н. Преемственность в праве. – М., 1977.
68. Неновски Н. Преемственность в праве: Монография. – М.: Наука, 1978.
69. Нерсесянц В.С. Право в системе социальной регуляции. – М., 1986.
70. Никонов В.А. Универсальная цивилизация? // Стратегия России. – 2012. – №№6(102), 8(104), 9(105). – С. 25-38.
71. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991.
72. Ойгензихт В.А. Мораль и право. – Душанбе, 1987.
73. Панарин А.С. Философия политики. – М.: Наука, 1994.
74. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. Основы эмоциональной психологии. 3-е изд. – СПб., 1908.
75. Петражицкий Л.И. Введение в науку политики права (1896-1897) // Л.И. Петражицкий. Теория и политика права: Избранные труды. – СПб., 2010.
76. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 1907.
77. Попков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. – Новосибирск, 2000.
78. Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. – М., 1996.
79. Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
80. Разуваев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. – СПб, 2008.
81. Родина Е.В. Преемственность принципов советского государственного права: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1988.
82. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г., Шахрай С.М. Государство и экономика современной России: реальность и перспективы (политико-правовой анализ). – М., 2006.
83. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. I. – М., 1994.
84. Тимошенко И.В. Право в системе социального регулирования // В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, И.В. Тимошенко. Теория государства и права: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону, 2002.
85. Туманов В.А. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Сов. государство и право. – 1988. – №3.
86. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. – М.: Праксис, 2004.
87. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М., 1994.
88. Цибулевская О.И. Правовая культура субъектов власти: нравственный аспект // Правовая культура: Научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 15-30.
89. Чефранов В.А. Взаимодействие правового сознания с иными видами социального отражения. – Харьков, 1975.
90. Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. – Киев, 1976.
91. Чистов К.В. Традиция, «традиционное общество» и проблема варьирования // Советская этнография. – 1981. – № 2.
92. Шапп Я. О свободе, морали и праве // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 85-92.

93. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
94. Шахрай С.М. Глобализация и правовая система России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
95. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
96. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М., 1990.
97. Швеков Г.В. Преемственность в праве: Монография. – М.: Высшая школа, 1983.
98. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996.
99. Nabulsi K. Tradition of War. Occupation, Resistance, and the law. – Oxford: University Press, 1999.
100. Sociologie du droit. P., 1969.

